



Номады азиатского материка

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ



Ч. К. Ламажаа

Аннотация: В статье представлен обзор литературы по теме национального характера отдельных тюркоязычных народов Центральной Азии, которые составят библиографическую основу электронной базы данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур».

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (грант №13-03-12003в).

Ключевые слова: национальный характер, Центральная Азия, база данных, обзор, описание, казахи, алтайцы, хакасы, тувинцы.

Исследования национальных, культурных особенностей народов различных регионов мира сегодня представляют особую важность в свете проблем локальной специфики трансформационных, модернизационных процессов, взаимодействия и взаимовлияния культур. Интерес представляют в этой связи особенности региональных социумов с кочевой культурой, например, Центральной Азии. В рамках работы над коллективным проектом «Электронная база данных “Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур”» (Канарш, 2013) мы произвели сбор и отбор имеющихся описаний, исследований национального характера народов Центральной Азии (см. постановку вопроса по теме: Ламажаа, 2013б).

Центральной Азией я называю территории распространения кочевого типа хозяйствования в Казахстане, Монголии, Китае (Синьцзянь-Уйгурский Автономный округ, Внутренняя Монголия), России (республиках Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия, отчасти Иркутской и Читинской областях). Историки, а также представители такого междисциплинарного направления как геоэкология (нацеленного на изучение пространственно-временных закономерностей взаимодействия природы и общества (см.: Черных, 2009:



13)) выделяют этот регион как территорию, породившую множество скотоводческих (кочевых и полукочевых) культур, имеющих ряд сходных черт в социальном устройстве, хозяйственных комплексах.

В основном специалисты сходятся на убеждении о социокультурной целостности кочевничества региона. Соответственно они используют обобщенные термины «степная Евразия» (Попков, Тюгашев, Цооху, Цедээв, 2003), «кочевники азиатского материка» и даже «кочевая цивилизация Центральной Азии». Я использую термин «социокультурный комплекс», не прибегая к определению цивилизации, поскольку считаю, что оно еще не обосновано (см.: Ламажаа, 2013а: 103–105).

Подчеркну, что говорю не о политическом, административно-территориальном образовании, а о социокультурном, культурно-географическом районе. В этом случае для нашего проекта интересны исследования национального характера (национального менталитета), прежде всего таких этнических образований, как: казахи, алтайцы, тувинцы, хакасы, монголы, буряты, а также калмыки (как «выходцев» из Центральной Азии). Ограниченный объем статьи побуждает нас сгруппировать их, например, по признаку языковой общности — тюркоязычных и монголоязычных этносах и рассматривать их отдельно. В данной статье мы остановимся на первой группе: казахи, алтайцы, тувинцы, хакасы.

Попытки понять, чем же отличаются друг от друга народы и их культуры, что особенного есть в конкретном народе (поведении, темпераменте и пр.) являются естественной потребностью человечества осознать факт культурного разнообразия на планете. Наиболее удачные описания национального характера — чаще опирающиеся на интуицию, на самоосмысление, на некоторый чувственный, художественный опыт — находят свое место в ряду художественной, но также и философской, научной литературы (вспомним известные антиномии русского национального характера Н.А.Бердяева, которые были сформулированы ими в эмиграции с желанием осмыслить, чем русские отличаются от европейцев).

Соответственно описания национального характера практически всегда делались в ситуации встречи культур, взаимодействия культур и наиболее удачные зарисовки делались людьми с тонким художественным вкусом, образованными, наблюдательными. Это были в первую очередь путешественники — миссионеры, ученые, а также дипломаты и др. Таких авторов было немало и в истории кочевников Центральной Азии, хотя их имена знают лишь специалисты. Понятие «встреча культур» мною исполь-



зуется в самом широком смысле. За этим стоят и формы мирного сосуществования (торговля, сотрудничество, относительно мирная колонизация), и военные действия и их последствия, в т. ч. существование под игом, насильственные переселения и пр. «Встреча» может быть не только социальной, групповой, но и индивидуальной — для отдельных представителей культур, которые оказались в иной культурной среде и стали осознавать проблему разницы менталитетов, традиций.

Рассматриваемые этносы образовались на основе сложных этнических процессов, преобразовавших первоначальный облик древних племен (хунну, древних тюрков, кыргызов, уйгур, монголов и пр.) в разное время: казахи — в XV–XVI вв.; алтайцы, хакасы и тувинцы — в XVIII–XIX вв.

Непосредственно описаний древними кочевниками себя почти не сохранилось за исключением источников в виде каменных стел древних тюрков с так называемыми орхоно-енисейским (древнетюрским) руническим письмом, преимущественно эпитафийного характера (Малов, 1951). Из этих памятников ученым стало известно о специфике представлений о пространстве древних тюрков, о государственном устройстве тюркских каганов (VI–VIII вв.), о ряде особенностей погребального обряда. Некоторые представления о способах самопознания кочевников можно найти в документах, излагающих философские, социально-политические воззрения средневековых мыслителей Казахстана.

Начало изучения кочевых народов Центральной Азии, описания их быта и нравов в целом находят в китайских исторических источниках. Основателем науки о кочевых народах Центральной Азии считают автора «Исторических записок» («Ши-цзи») Сыма Цзяня (II в. до н. э.). Известен «Сборник летописей» персидского ученого Радиша ад-Дина (XIII–XIV вв.) о политической истории Центральной Азии, связанной с Чингис-ханом.

Достаточно долго кочевников Центральной Азии соседи воспринимали как варваров, как примитивные народы, даже как тупиковую ветвь человеческого развития. Однако, развитие востоковедения, в частности российского, с середины XX века позволило перейти от подобного понимания азиатских кочевых — к признанию за ними особых черт. Большой вклад в изучение социальной организации кочевников внесли русские ученые в конце XIX — начале XX в. Значительна работа в этой связи: В. В. Бартольда, О. Латтимора, Н. Н. Харузина, Б. Я. Владимирцова, Г. Е. Маркова, А. М. Хазанова, С. И. Вайнштейна, К. П. Калиновской, В. А. Шнирельмана, С. Г. Кляшторного, Е. И. Кычанова, А. И. Мартынова, А. И. Першица,

Л.П.Потапова, С. Е. Толыбекова, Г. А. Федорова-Давыдова, С. А. Плетневой, Н. Э. Масанова, Н. Н. Крадина и др.

Однако, я упомянула ученых, которые исследовали и продолжают исследовать особенности этногенеза кочевников, их историю, культуру. Описания же национального характера народов уступали в их работах систематическому изучению вопросов этнической культуры, традиционных верований, обрядности и пр.

Тема особых черт характеров этносов Центральной Азии, уникальности их облика, в XX веке практически всех вошедших в советское пространство, долго не развивалась в литературе, поскольку идеологические установки требовали отказаться от традиционности, в том числе в менталитете, как пережитках прошлого, в пользу понимания нового прогрессивного социального устройства и соответствия человека ему. Вопросы специфики изучались в русле развития этнографии, которая была призвана зафиксировать элементы традиционности и сконцентрироваться на процессе трансформации традиционалистов в советских граждан. Тем не менее, разумеется, можно найти и интересные публикации и тех лет, уже не говоря о художественной литературе народов России всех жанров, в которой, несомненно, отражалась специфика национальных менталитетов.

Тематика национального характера народов стала актуальной уже в постсоветское время и описания, попытки осмысления национальных черт, сложившихся в уникальное целое, стала активно производиться представителями самих народов.

В поле нашего внимания — литературные произведения, публицистика, записки путешественников; среди сонма же научной литературы в русле нашего проекта могут укладываться исследования национальной идентичности, этнической идентификации, этнопсихологических особенностей народов, этнолингвистики, психологических типов в культуре, традиционных картин мира и пр. Отдельно следует сказать об исследованиях этнических стереотипов, которые ряд исследователи называет картиной в умах людей, итогом усвоенной, переработанной информации относительно своей и других национальных групп. Эти стереотипы бытуют не только у широких массах людей, но и проявляются порой в воззрениях интеллигенции.

Итак, я попытаюсь выделить некоторые, наиболее интересные публикации по каждому из названных народов, понимая, что подобный обзор в рамках одной статьи не может претендовать на полноту и всеохватность.



Казахи. Казахская литература ведет свой отсчет с XV века и имеет богатые традиции. Устные поэтические традиции восходят к памятникам орхоно-енисейской письменности и раскрывают мир кочевников. Из литературных, философских произведений, которые в той или иной мере раскрывают особенности национального менталитета казахов в первую очередь надо назвать «Слова назидания» или «Книгу слов» — фундаментальное произведение казахского акына и просветителя Абая Кунанбаева (1845–1905), или, как его называют, Абая. Его взгляд на черты характера казахов — это представление национального менталитета «изнутри». При этом, что особенно ценно для нас, автор не только описывает, суммирует особенные черты характера своего народа. В надежде улучшить жизнь своего народа, он поднимает и нелицеприятные темы, огорчаясь, например, враждебности казахов между собой, амбициозности, неуважении к соседним народам и пр. — то есть всего того, что он называет пороками, искренне желая их искоренения. Тем самым национальный характер народа предстает наиболее полным, многогранным, реалистичным.

Описания национального менталитета казахов «извне» — глазами путешественников, этнографов, начиная с XIX века, чаще всего идут в унисон содержанию множества пословиц, поговорок, например, о гостеприимстве, о родоплеменных отношениях, об отношении казахов к старшим, к женщинам и детям. Например, А. А. Диваев писал: «С прибытием в Туркестанский край в 1876 году мне пришлось сталкиваться с кочевым населением, т.е. казах-киргизами, этими в высшей степени симпатичными, гостеприимными и доверчивыми племенами...» (цит. по: Еркибаева, Электр. ресурс). Отчасти подобную ситуацию можно объяснить тем, что путешественники больше концентрировались на теме отношения местного населения к себе, чем на углубленном изучении особенностей взаимоотношений коренных жителей между собой.

Среди современных казахских авторов по интересующей нас теме назову: М. Е. Орынбекова (который пишет о мировоззренческих ориентирах предков казахов, см.: Орынбеков, 1994); С. Акатая (о менталитете казахов и культурной модальной личности в казахской культуре, см.: Акатай, 1998); З. Наурзбаеву (о чертах национального характера древних кочевников, которые современные казахи унаследовали, а какие — нет, см.: Наурзбаева, Электр. ресурс), Д. Кшибекова (о менталитете казахов, см.: Кшибеков, 2005), Г. А. Омарбекову (лингвокультурное сравнительное исследование фразеологизмов англичан и казахов, см.: Omarbekova, 2013), Т. Х. Габитова (о «ментальных особенностях» казахстанского народа, идентификация



которых необходима для разработки национальной идеи, см.: Габитов, 2006, 2013) и др.

В первую очередь авторы отмечают приверженность казахов родоплеменной организации бытия. Как пишет Г. Г. Габитов, «после обретения суверенности Казахстаном, запрещенный прежде вопрос — мир ценностей родовых отношений, превратился в главный объект разносторонних исследований со стороны историков и социологов. Это закономерный процесс. Как было сказано выше, семиколенный обычай непосредственно связан с традицией шежире (генеалогия) в казахской культуре. На сегодняшний день опубликованы шежире начиная с древних тюрко-монгольских народов, отдельных племен и родов, субэтносных групп (тюре, кожа, туленгиты и другие). Несомненно огромное воспитательное и духовное значение этого начинания» (Габитов, 2006: Электр. ресурс). Базовой основой казахской картины мира называет родоплеменные связи президент РК Н. Назарбаев: «Уникальное родоплеменное, кланово-жузовое единое тело казахского народа веками органично разрасталось по принципу: все казахи — племцы одного “Гнезда”, ветви одного дерева, одного корня. Вот откуда сознание единства народа, которое по европейским канонам должно было бы отсутствовать у разрозненных кочевников, разделенных на три основные части — жузы, к тому же отстоящих друг от друга на большие расстояния. И это единство воспринималось именно через родословную. В этом проявляется генетическое единство казахов, происхождение из единого генеалогического древа. Казахи-кочевники всегда считали обязательным знание своих корней и родовых связей. Это было возведено до единого для всей нации морально-этического критерия. Так было всегда в нашей истории» (Назарбаев, 1999: 296).

На знании родовых связей основывались семейные ценности казахов, и сегодня социальную политику нынешняя государственная идеология Казахстана пытается выстраивать именно на них. В целом, современные описания казахского менталитета, казахской национальной идеи, полны, прежде всего, перечисления положительных черт. Это в целом объяснимо, поскольку часто подобные публикации выполняют определенный социальный заказ: ставят своей целью укрепить «национальный дух», вывести «национальную идею», с воспитательными целями и пр.

Алтайцы. Сведения о традиционной духовной культуре алтайцев обычно черпаются из алтайских героических сказаний (напр., «Алтай-Буучай», «Маадай-Кара»), которые стали доступны в письменном виде, начиная с трудов В. В. Радлова (Радлов, 1866). Здесь алтайская картина



мира мифологизирована, поэтому может учитываться лишь отчасти для нашей темы.

Встреча алтайцев с представителями других культур началась в XVII веке с деятельности русских землепроходцев, участников различных экспедиций (в т. ч. академические), миссионеров Алтайской духовной миссии РПЦ. Правда, далеко не все записи наблюдателей поднимают вопросы менталитета, характера, темперамента народа. Встречаются описания поверхностные (внешний облик, бросающиеся в глаза обычаи), эпизодические (реакция при встрече с чужеземцами и пр.) и др. Миссионеры Алтайской духовной миссии, например, постоянно отмечали упрямство и непреклонность кумандинцев (одной из этнических групп алтайцев Северного Алтая) и считали особенностями их менталитета, сталкиваясь с нежеланием местного населения воспринимать иную веру (см.: Славнин, Шерстова, 2008: 32–33). Эти качества, очевидно, сложно переносить на характер народа как постоянные, поскольку речь шла о противостоянии местного населения и миссионеров по поводу традиций, которым алтайцы не хотели изменять. Причем, как установил Л.П.Потапов, добровольно крестились на первых порах исключительно разорившиеся бедняки и калеки. В то же время зайсанско-байская верхушка отрицательно относилась к деятельности миссии, не хотела терять своего монопольного влияния на соплеменников и сородичей (Потапов, 1953: 202). Тем не менее, сильный консерватизм, приверженность традициям людей не позволяли миссии крестить значительное число местного населения.

Особенности менталитета алтайцев, по мнению исследователей, хорошо выражаются в алтайской художественной литературе. Здесь часто присутствуют в сюжетах эпитеты, определения, подчеркивающие единение Земли и Неба в решении сложнейших и актуальнейших, судьбоносных проблем человеческого бытия и всего мироздания. Связь с Вселенной, ее элементами (Солнцем, Небом, Землей) представляет собой доминанты менталитета народа, пишет Р. Палкина (Palkina, 2007: электр. ресурс). Вдохновенным представителем алтайской художественной интеллигенции признан художник (а также общественно-политический деятель) Г.И.Чорос-Гуркин, отобразивший в картинах красоты природы Алтайского края. Выразителями алтайского национального духа считаются поэты и писатели Ч. А. Чунижеков, С. Суразаков, Б. Бедюров, А. Адаров и др.

Если рассматривать описания из научной литературы, то скажем в первую очередь об особенностях национального характера «изнутри».



А.П. Макошев утверждает, что предмет особой гордости алтайцев — принадлежность к своему субэтносу, роду (сеоку), малой родине. «Человек без рода, как дерево без корня. Род определяет самобытность алтайского народа. ... Это наше прошлое, настоящее и будущее» (Макошев, 2008: 332). Вторым составляющим менталитета алтайцев, указывает автор, является пространство, территория, местность, родная земля, малая родина. Большое значение для местного населения имеют родовые горы и деревья.

«Мы не утратили любовь к своей родной земле и природе. Требования малых этносов вернуть места их компактного проживания — это не прихоть и не самоцель. Желание это идет из глубин души, из корней нашего далекого прошлого. Тысячелетиями наши предки были связаны с природой, любили и почитали ее. Любовь и почитание были не слепыми, а осмысленными. И великие традиции наших предков жить в гармонии с природой незримо пришли вместе с кровью и генами к нам через века и тысячелетия. Это уже часть нашего менталитета», — заявляет В. А. Чеконов, зайсан (вождь, духовный лидер) тубаларов (еще одной этнической группы алтайцев).

«Кровь и гены», иначе говоря, воспитание каждого поколения с младенческого возраста, позволяли, по мысли алтайцев, строго придерживаться традиций, в том числе соблюдать принцип «байланыш» — святозапретность, о чем пишет шаман из Горно-Алтайска А. В. Юданов (Юданов, 2008: 376).

Тувинцы. Упоминания об особенностях тувинского менталитета, которые формулировали бы сами тувинцы (национальный характер «изнутри»), можно встретить только с начала XX века, когда стало возможным самим местным жителям поднимать темы национального духа (Тува находилась под жестоким гнетом в составе Маньчжурской империи Китая, которая пала в 1911 г., после чего у края появилась возможность) и когда появилась возможность фиксировать такие высказывания (и с помощью приезжающих в край наблюдателей, и позднее, когда в Туве распространилась своя письменность). В частности, речь идет о размышлениях о судьбах Тувы и тувинцев, которые высказывали лидеры национального движения за государственное становление в начале XX века (Буян-Бадыргы Монгуш, Лопсан Чамзы, Куулар Дондук и др.).

Отдельные попытки наблюдателей описать тувинский национальный характер встречаются в путевых заметках, этнографических зарисовках рубежа XIX–XX вв. А. В. Адрианова, А. М. Африканова, П. Е. Островских,



М.И.Райкова, Е. К. Яковлева, Г. П. Сафьянова, Д. Каррутерса и др.

С тематикой национального характера перекликаются современные исследования духовной культуры тувинцев А. К. Кужугет (Кужугет, 2006); пространственно-временных представлений тувинцев В. Ю. Сузукей (Сузукей, 2009: электр. ресурс); этнической идентичности — З. В. Анайбан (Анайбан, 2008: 117–135), М. В. Монгуш (Монгуш, 2010), В. С. Донгак (Донгак, 2003), С. С. Товуу (Товуу, 2010), Б. А. Мышлявцева (Мышлявцев, 2002, 2003). В последние годы о тувинском национальном характере появились публикации автора данной статьи (см.: Даргын-оол, 2004; Ламажаа, 2008: 131–162), психологические типы тувинцев стали исследовать Е. Н. Резников, Н. О. Товуу (Резников, Товуу, 2002).

В моих описаниях тувинский национальный характер (описание «изнутри») определялся как «резко-континентальный» (с учетом сильного влияния фактора природы и резко-континентального климата региона). В сочетании черт характера можно назвать: созерцательность, художественность, непунктуальность, флегматизм, любовь к детям, групповое соперничество, завистливость и пр.

«Резкая континентальность» национального характера тувинцев поддерживается влиянием двух основных религиозных систем — шаманизма и буддизма, сосуществующих в регионе более двух веков. Шаманизм связывает людей с природой, не дает забыть о том, что они — ее дети, что пастбища, озера, степи, курганы являются «живыми», населены духами и их хозяевами. Это культура людей естественных, бесхитростных, самодостаточных, неприхотливых. Тибетский буддизм, пришедший и укрепившийся в Туве с XVIII века, подчеркивая ценности смирения, терпения, духовного совершенствования, обратил людей к внутреннему миру и к небу, к вечности. Вписавшись в шаманистскую картину мира, он привнес в древнейшие культы новых богов и значительно усложнил пантеон. Для тувинцев под этим сложным небом, с учителями двух религиозных систем — шаманами, ламами — идеи соподчинения стали краеугольными камнями их культуры.

Человек может называть себя буддистом и в то же время прибегать к помощи шаманов в определенные периоды жизни, может соблюдать шаманистские предписания. Важно то, что религиозные обряды человек соблюдает в семейно-бытовой сфере, обращение к сверхъестественному носит не личностный, а коллективистский характер. Даже если речь идет о молитвах в буддийских храмах, то главным пунктом молений прихожан



часто является не духовное усовершенствование (себя и родных), а физическое самосохранение, здоровье своих родных, сохранность своего дома, народа и земли.

Противоречивость, взаимоисключение, наличие разнообразных культурных пластов слились воедино в этой «резко-континентальной» культуре. Многослойность культуры влияет на историческую память народа, на психологию людей.

Если говорить об отношении тувинцев к представителям других национальностей, проживающим в республике, а также к народам соседних территорий, то здесь тоже лучше употреблять понятие «неоднозначное». Есть мнение, подкрепленное данными социологического исследования, что тувинцы к русским в целом относятся с наибольшим дружелюбием и уважением, чем, к примеру — к монголам (см.: Донгак, 2003). Последних недолюбливают из-за негативных примеров в истории взаимоотношений Тувы и Монголии со времен китайской колонизации, из-за самоуправства монгольских чиновников в Туве в этот период. В данном случае существенным является языковой фактор (внутри алтайской языковой семьи тувинский язык относится к тюркской группе языков, монгольский — к отдельной монгольской ветви), непонимание между людьми.

Хакасы. Первые научные сведения о хакасах и их крае появились с 1720-х годов, начиная с путешествия Д. Г. Мессершмидта. В составе академических экспедиций также были Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер и др. (см.: Бутанаев, 1993: 4). Историография изучения хакасов также насчитывает огромный перечень крупных российских и зарубежных востоковедов, обширна и советская историография. Каждый из ученых, бывавших с экспедициями у хакасов (качинцев, сагайцев, кызыльцев и др.), составлял свои впечатления о местном населении, что отражалось в путевых заметках, которые писались параллельно с научными отчетами. Например, Л. П. Потапов, известный советский этнограф, отмечал в 1948 г. тот факт, что хакасы усвоили только внешнюю религиозную обрядность христианства, в которое были обращены многие из них. При этом ранние формы религиозности в виде шаманизма еще бытуют как среди старшего поколения, так и молодых (Потапов, 1948).

Сохранившуюся традиционность хакасов в религиозной сфере, несмотря на усиленно проводившуюся в регионе политику христианизации, отмечают и современные исследователи. Тем не менее, два с половиной века межэтнического взаимодействия между коренным населением и рус-



скими не прошли даром для хакасов и, как пишет историк В. Н. Асочакова, «сегодня невероятно сложно сказать, какие элементы духовной и материальной культуры являются “исконно русскими”, а какие из них были заимствованы русским народом у хакасского и наоборот» (Асочакова, 2009: 95). Современная этнографическая наука, в том числе в самой Хакасии, усиленными темпами восстанавливает традиционные представления и традиционный быт хакасов. Среди авторов, работающих в этом русле, следует отметить: В. Я. Бутанаева, В. А. Бурнакова, В. Н. Тугужекову, Л. В. Анжиганову и др. Непосредственно тему хакасского национального характера научные работы не поднимают, хотя, безусловно, традиционный менталитет хакасов, как в отдельных аспектах, так и в целом, нашел достаточное отражение в них. Здесь мы находим и культ Неба, и родоплеменные культы, и особое отношение к детям, установленные нормы поведения в быту и пр.

В. Я. Бутанаев, одним из первых авторов, попытался дать комплексное исследование традиционной культуры хакасов. Многолетние работы в этом направлении позволили автору систематизировать полученные результаты и написать обобщенную работу (см.: Бутанаев, 1996), адресованную учителям в помощь в деле просвещения и воспитания школьников. Ученый подчеркивает, что суровый климат Саяно-Алтая естественно повлиял на склад характера местных жителей. «Хакасские мужчины, — пишет он, — сдержаны, выносливы и немногословны. Не зря бытует среди них пословица: “Внутри мужчины сдерживается оседланный конь, готовый к бегу”. Хакасские женщины — это трудолюбивые хозяйки, искусные мастерицы и надежные жены. Не зря говорят: “Дорогу мужчины украшает женщина”» (там же: 11). Все последующее изложение в работе В. Я. Бутанаева раскрывает традиционную культуру кочевников Центральной Азии, расписанную и регламентированную вплоть до мельчайших нюансов от рождения до смерти человека, что позволяло людям жить и вести хозяйственную деятельность в сложных климатических условиях.

Природная обусловленность традиционной картины мира хакасов, естественно, нашла свое отражение в национальной литературе. «Хакасская “национальная картина мира”, — пишет Н. Л. Кольчикова, — это великое Хан-Небо, солнце — “солярный круг” — один из древнейших символов у древних хакасов-солнцопоклонников, это степь, и то, чего нет ни в какой другой культуре — древние курганы и менгиры. Хакасские курганы — знак, код хакасской культуры, ее тайна, ее загадка, которая еще не разгадана, как тайна египетских пирамид. Для многих современных художников слова традиционное мировоззрение стало основой образной системы, без кото-



рой трудно понять концепцию их творчества: это и поэзия М. Баинова, и В. Майнашева, и А. Кыштымова, и Н. Ахпашевой и др. Одно из направлений — поиск своих корней, родословной” (Кольчикова, Электр. ресурс).

* * *

Подводя предварительные итоги обзора литературы по теме национального характера тюркоязычных народов Центральной Азии, выскажем несколько соображений, которые могут стать отдельными темами углубления исследования:

1) Тема национального характера народа далеко не всегда имеет четко очерченный круг источников. Казахская литература по данной теме, посвященная казахскому национальному характеру, представляется нам наиболее богатой, пестрой, что объясняется не только более длительными традициями письменной культуры, относительно более развитым уровнем научной мысли, но и нынешним иным статусом народа — титульного для суверенного с 1991 года государства. Литература по алтайцам, тувинцам и хакасам все же более этнографична, ибо не имеет столь мощного социального заказа, призванного осмыслить национальные основания общественно-государственного устройства. Для регионов России характерен такой вид социального заказа, который требует изучения перспектив межэтнического взаимодействия между представителями наиболее многочисленных этносов, тем более в так называемых национальных республиках;

2) Национальный характер определенного народа представляется нам как некий целостный образ, складываемый из определенных качеств, которые представители народа признают за собой и своими со-племенниками (национальный характер «изнутри»). Этот образ может не совпадать с тем образом, который складывается во мнении представителей другой культуры, причем можно различать и мнения тех, кто проживает в автохтонной культурной среде с рождения или просто много лет, и тех, кто приезжает в регион с определенной целью, имеет некий заочно сложившийся образ (национальный характер «извне»);

3) Очевидно, что между рассмотренными этносами в плане национального характера («изнутри» и «извне») достаточно много общих черт, которые складываются из сходных климатических условий, накладывающих определенные черты хозяйственных культур, социальной организации. Близость к природе, своеобразное слияние с ней, родоплеменная организация социальной жизни, традиционализм — константы кочевых культур данных народов. Но есть и своеобразные черты, обусловленные



историческими перипетиями, исторической памятью, а также временем и характером взаимодействия с другими этносами, в том числе родственными, кочевыми. Если углубляться в тематику различий между народами Центральной Азии, можно говорить не о национальном характере этих народов, а о национальных характерах. Интерес представляет вопрос различий и между вышеназванными тюркоязычными этносами, и между ними и монголоязычными (монголами, бурятами, калмыками);

4) Тема национального характера народа с точки зрения сторонних наблюдателей более вариативна в связи с тем, насколько глубоко проникает взгляд каждого отдельно взятого наблюдателя. Как мы видим, можно дать одни характеристики (поверхностные) народу в зависимости от своей цели и задач общения с ними, а также в целом времени взаимодействия, а можно дать — другие (более целостные, обстоятельные), если речь идет о сосуществовании на одной территории, диалоге культур. На восприятие образа народа налагают свои отпечатки внешние условия (экономическая ситуация, политическая обстановка и пр.), а также личный опыт (возможно негативный или положительный), образование и пр.

Все эти и другие исследовательские вопросы предполагается решать в дальнейшем в рамках нашего проекта.

Список литературы:

- Акатай, С. (1998) Национальный менталитет казахов. Алматы.
- Анайбан, З. В., Тюхтенева, С. П. (2008) Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М. : Институт востоковедения РАН.
- Асочакова, В. Н. (2009) Проблема межэтнического взаимодействия в ходе христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края: XVIII-XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. № 38. С. 92–95.
- Бутанаев, В. Я. (1996) Традиционная культура и быт хакасов : пособие для учителей. Абакан : Хакасское книжное изд-во.
- Бутанаев, В. Я. (1993) Этническая культура хакасов и проблема реконструкции основных этапов их исторического развития : автореф. дис. ... д-ра ист. н. Новосибирск.
- Габитов, Т. Х. (2006) Культурология. Алматы.
- Габитов, Т. Х. (2013) Национальная идея в контексте диалога культур // Вопросы философии. № 3. С. 49–57.
- Даргын-оол, Ч. (2004) Резкая континентальность тувинцев. Зарисовки об особом внутрисаянском мире [Электронный ресурс] // Центр Азии. 13 августа. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2004/32/1166-rezkaja-kontinentalnost-tuvincev.html> (дата обращения: 12.05.2013).
- Донгак, В. С. (2003) Этническая идентичность тувинцев : автореф. ... к. с. н. СПб.
- Еркибаева, Г. Г. Некоторые особенности казахского менталитета [Электронный



ресурс] // Publishing house Education and Science s.r.o. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2013/Psihologia/7_125325.doc.htm (дата обращения: 12.08.2013).

Канарш, Г. Ю. (2013) От «индивидуальных» характеров — к национальным // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 93–98.

Кольчицова, Н. Л. Роль традиционного мировоззрения в становлении хакасской литературы [Электронный ресурс] // Высший колледж информатики НГУ. URL: <http://www.ci.nsu.ru/cult/sites/default/files/%20%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F%20%D0%9B%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0.pdf> (дата обращения: 10.08.2013 г.).

Кужутет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев : структура и трансформации. Кемерово : КемГУКИ.

Кшибеков, Д. (2005) Ментальная природа казаха. Алматы : Ғылым.

Ламажаа, Ч. К. (2008) Тува между прошлым и будущим. М. : ООО «Восход-А».

Ламажаа, Ч. К. (2013а) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Издательский дом «Либроком».

Ламажаа, Ч. К. (2013б) К вопросу о национальном характере народов Центральной Азии // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 99–108.

Малов, С. Е. (1951) Памятники древнетюркской письменности. М. ; Л. : Наука.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии.

Мышлявцев, Б. А. (2002) Современная Тува: нормативная культура (конец XX — начало XXI вв.) : автореф. ... к. и. н. Новосибирск.

Мышлявцев, Б. А. (2003) Русские и тувинцы: образ «другого». Проблема взаимодействия культур [Электронный ресурс] // Сибирский этнографический вестник. № 14 (15). URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/Vest15/?html=misl1.htm&mi=25&id=1472> (дата обращения: 12.05.2013).

Назарбаев, Н. А. (1999) В потоке истории. Алматы : Атамура.

Наурзбаева, З. Культура кочевников и современный менталитет казахов [Электронный ресурс] // Отукен. Казахская культура, мифология и музыка. URL: <http://www.otuken.kz/index.php/skpubl/53?task=view> (дата обращения: 12.05.2013 г.).

Орынбеков, М. Е. (1994) Предфилософия протоказахов. Алматы : Ғылым.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А., Цооху, Х., Цедээв, Х. (2003) Евразийская цивилизационная общность народов: ценности и константы развития // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 91–93.

Потапов, Л. П. (1948) Из поездки к сагайцам // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Вып. IV. М. – Л. : Изд-во АН СССР. С.61–65.

Потапов, Л. П. (1953) Очерки по истории алтайцев. М. – Л. : Изд-во АН СССР.

Радлов, В. В. (1866) Образцы литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. I. СПб.

Резников, Е. Н., Товуу, Н. О. (2002) Этнопсихологические характеристики народа тыва : теория и практика. М. : ПЕР СЭ.

Славнин, В. Д., Шерстова, Л. И. (2008) Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая / под. ред. А. В. Малинова. СПб. : Издательский дом С.-Петербургского



государственного университета. С. 5–124.

Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной культуре тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. №№ 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/128-space-and-time.html (дата обращения: 12.05.2013).

Товуу, С. С. (2010) Этническая картина мира тувинцев в историческом контексте их социальной реальности : автореф. ... дисс. к. филос. н. Улан-Удэ.

Черных, Е. Н. (2009) Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М. : Рукописные памятники Древней Руси.

Юданов, А. В. (2008) Сакральный Каан-Алтай-Шамбала // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая / под. ред. А. В. Малинова. СПб. : Издательский дом С.-Петербургского государственного университета. С. 371–391.

Omarbekova, G. A. (2013) Cultural background knowledge about national character of the Kazakh and English people // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6, ч. 2. С. 142–147.

Palkina, R. (2007) Доминанты мировоззрения алтайцев в структуре алтайской литературы [Электронный ресурс] // Turkish Studies. Ч. 2. С. 531–539. URL: <http://www.turkishstudies.net/sayilar/say14/palkinaraisa.pdf> (дата обращения: 10.08.2013).

Дата поступления: 10.08.2013 г.

NATIONAL TEMPER OF TURKIC PEOPLE IN CENTRAL ASIA

Ch. K. Lamazhaa

Abstracts: Article reviews the literature regarding the national temper of different Turkic peoples of Central Asia. It composes a bibliographical basement of a digital database “National mentalities: the study in context of globalizational and cooperation of cultures”.

Keywords: national temper, Central Asia, database, review, description, Kazakhs, Altai, Khakasses, Tuvans.